

Introduction

Далеко-далеко, омываемый водами теплого южного моря раскинулся остров Лас-Лупанарас. До недавнего времени этот поистине райский уголок был неизвестен широкой публике и пребывал в забвении, почти заброшенности. Все население острова составляло от силы полсотни скудно живущих аборигенов, говоривших на нигде более не известном языке, напоминающем итальянский и испанский одновременно. Аборигены жили рыбалкой, собирательством и разведением некоторых видов экзотических растений, на большой земле не встречающихся. Никакого регулярного сообщения с цивилизованными местностями у Лас-Лупанараса не существовало, и чужаки появлялись здесь крайне редко, но принимаемы всегда были с неизменным радушием. Любой из островитян был готов разделить с неожиданным гостем кров и пищу, а также предложить ему любую из женщин в своем доме — будь то дочь, жена, сестра или даже мать. Так как островитянки были весьма красивы, чистоплотны и искусны в любви, гости редко выказывали недовольство здешними обычаями. Но если по случаю среди гостей оказывались женщины, местные ждали от них точно такой же приветливости по отношению к себе, что встречало понимание уже не всегда.

Когда-то давно кораблекрушение выбросило на Лас-Лупанарас семейную пару из далекой восточноевропейской страны. Их приняли, обеспечили всем необходимым и даже выстроили для них хижину в рекордно короткий срок. Первые дни муж и жена жили почти счастливо, насколько вообще могут быть счастливы люди, вырванные из привычного окружения и практически не имеющие шансов туда вернуться. Потом супруга начала жаловаться. Местные мужчины, особенно молодые, проявляли к ней недвусмысленный интерес и бывали крайне озадачены отказом. Муж попытался поговорить с Жуаном. Вообще у аборигенов не наблюдалось никакой видимой власти, каждый жил сам по себе, благо тропические условия и отсутствие каких-либо опасностей вполне это позволяли. Но Жуан — старый, сухой и жилистый, смуглый почти до черноты, с неизменной трубкой в зубах и вечно сощуренными глазами, был кем-то вроде местного старейшины. С ним советовались о сложных делах, к нему водили на лечение заболевших, к нему же обращались за разрешением изредка возникавших между местными споров, иногда он отправлял какие-то непонятные обряды.

Жуан выслушал его, сдержанно улыбаясь и время от времени кивая, в продолжение всего разговора попыхивая трубкой, набитой каким-то местными корешками. Дым клубами поднимался к потолку хижины. Он был то сладковатый, то пряный, то горчил, временами от него начинала кружиться голова и путаться мысли, но в следующую секунду новый клуб приносил с собой отрезвление. Человек с большой земли то и дело сбивался, поглощенный не столько проблемами своей супруги, сколько мыслями о том, как одна и та же смесь все в той же трубке может быть такой разной.

Когда он закончил, старейшина снова улыбнулся и похлопал его по плечу, пообещав, что все будет хорошо, и проблемы кончатся.

День муж с женой провели спокойно. Наблюдая за занятой повседневными делами женщиной, он думал, что жизнь на заброшенном острове пошла ей на пользу. Его жена всегда считалась красавицей, но здесь она словно преобразилась. Талия стала уже, живот — идеально плоским, а грудь словно бы потяжелела и округлилась, прибавив не меньше пары

размеров. Кожа приобрела красивый золотисто-коричневый оттенок, а движения стали неспешными, плавными и величественными. Перед сном, он трахнул ее три или четыре раз — с тех пор, как они оказались здесь, это стало для него обычным делом. Она принимала его жадно, быстро подмахивая бедрами и издавая громкие, чувственные стоны. Потом они заснули.

Он проснулся среди ночи от шума и сдавленных криков. Дернулся, пытаясь вскочить и с удивлением понял, что опутан по рукам и ногам. Было довольно светло — горели принесенные кем-то масляные лампы. Вокруг было много мужчин. Они были деловиты, но веселы. Кто-то сдержанно посмеивался. На полу лежало несколько бурдюков с пальмовым вином.

Его жена, абсолютно голая, сидела на коленях у одного из местных. Она закусилла нижнюю губу и закрыла глаза, а тот с довольной ухмылкой периодически припадал губами к ее шее, оставляя засосы, и грубо шарил обеими руками по роскошной груди, время от времени резко, с явным намерением причинить боль, дергая ее за соски. Жена коротко всхлипывала при каждом таком рывке. Пара совершала ритмичные движения, и он сразу понял, что его жену ебут. На ее лице застыла гримаса отвращения и обиды, но и без того он знал, что это происходит против ее воли — за годы брака их чувства друг другу не охладели. Чувствуя дикую, почти звериную ненависть к этим ублюдкам, он снова рванулся с лежака, пытаясь разорвать путы, вскочить на ноги. Но не преуспел. Кто-то заметил, как он дергается и засмеялся, показывая пальцем. К нему подошли, похлопали по плечу — на удивление мирно, почти ободряюще. В губы ткнулась горловина бурдюка с вином. Он сжал зубы и отвернулся.

Между тем, ебарь толкнул его жену с себя коротким, сильным толчком в спину. Она вскрикнула и упала на четвереньки. Он выпрямился — поблескивающий от соков член торчал колом! — и схватил ее за волосы. Принужденная развернуться, она ткнулась лицом в член насильника. Он потянул ее голову вперед, явно желая воспользоваться ее ртом. Женщина замотала головой и получила несколько чувствительных оплеух. Он бил ее и назвал шлюхой, брезгующей их гостеприимством, думающей, что ее жалкие дыры годятся на что-то лучшее, чем обслуживать людей, которые приняли их и дали им все. Его голос был монотонным, он словно совсем не чувствовал ярости. Но, тем не менее, угрожал ей, клялся, что если она не будет послушной и старательной, то он вскрыет ей брюхо и бросит заживо подышать на солнышке, и та же судьба ждет ее муженька. К нему присоединилось еще несколько местных, все с уже торчащими мощными пенисами, и они тоже лупили женщину раскрытыми ладонями наотмашь, оставляя на холеном теле синяки. Картина в свете масляных ламп была гротескной.

В конце концов, она расплакалась и взяла в рот. Сосала, давясь и всхлипывая, чувствуя как на грудь текут слезы и слюна, а на затылок давила неумолимая мужская рука, в лицо тыкались еще и еще члены, шлепали по ее щекам и лбу, столпившиеся вокруг мужчины отпускали грязные комментарии. Когда первый кончил, выплеснув солоноватое семя ей глотку и заставив все проглотить, она стала сосать следующему, а потом еще и еще. Она не знала, сколько членов побывало в ее рту и сколько спермы она выпила. Колени ныли, а челюсти вот-вот должно было свести от усталости. Ночь казалась бесконечной.

Она почти обрадовалась, когда ее вновь поставили на четвереньки. Ведомая все так же за волосы, она сделала несколько шагов и оказалась над лежащим на спине мужчиной. Уже почти без принуждения она опустила на его член и начала двигаться. Спустя всего

несколько мгновений, ей сильно надавили на плечи, заставляя податься вперед и вниз, и она почувствовала, как между ягодич потекло что-то прохладное, жирное и маслянистое, а следом ощутила прикосновение к анусу. Никогда раньше у нее не было анального секса, но протестовать она не посмела, со страхом ожидая вторжения. К ее удивлению, боли не было. Мужчина слегка помассировал розочку заднего прохода пальцами, смазывая его неизвестной жидкостью, потом нажал членом, легко войдя в ее прямую кишку и почти сразу начав ритмично двигаться. Может быть, отсутствие боли и легкость проникновения объяснялись свойствами неизвестного вещества? Ее шпилили в два смычка, кончали в вагину и в задний проход, а потом сменялись новыми и новыми мужчинами. Она была уверена, что за эту ночь каждое из ее отверстий опробовали все мужчины острова.

Когда все было кончено, ее, почти бесчувственную, подняли на руки и поволокли к лежаку мужа. Уложили промежностью к его лицу. Он дико ругался и вертел головой, но ему со смехом зажали нос. А потом стали лупить жену по ягодичам. Давай, шлюха, весело кричали ей, давай, хуже будет, угости мужа, не вся же сладость тебе, давай, если не хочешь чтобы все повторилось заново. Не помня себя от унижения, она напряглась, и, в конце концов, из ее влагалища в рот мужа хлынула смесь ее собственных соков и семени множества мужчин. Их бросили в хижине вместе с пустыми винными бурдюками и догоревшими лампами. Оклемавшись через какое-то время, она развязала мужа. Конечно, сначала он кипел от ненависти, а она хотела умереть от отчаяния, но что было делать? Бежать некуда, справиться с целым племенем — нереально. Пришлось учиться жить с произошедшим.

С этого дня она никому не отказывала. Все через два дня муж застал ее с соседским сыном, красивым парнем лет семнадцати. Он стоял, приспустив штаны, а она сидела возле его ног, обсасывая торчащий член. Время от времени они обменивались пустыми фразами — что-то о погоде и видах на рыбную ловлю, как будто эта беседа проходила за чашечкой чая, а не во время минета.

На удивление, отношение местных к ним совершенно не изменилось, оставаясь таким же ровным и внешне дружелюбным. Им по-прежнему не отказывали ни в какой помощи, а женщины других мужчин были также доступны для него, как его собственная — для всех остальных. Они подчинились законам Лас-Лупанараса.

Прошло много лет и на острове появилось много чужих людей. Они приплыли на больших кораблях, а позже стали прибывать еще и вертолетами. Как выяснилось, остров приобрела крупная фирма. Здесь было решено создать курорт мирового класса. Деньги были вложены большие и план успешно выполнен. Был выстроен порт и вертолетная площадка, остров быстро покрывался сетью отелей, пансионатов, увеселительных и медицинских учреждений, торговых точек и прочая, и прочая. Местные жители как-то потерялись в этой суете, и вскоре никто уже не мог бы сказать, куда подевалось странное племя, некогда населявшее эти края. Может быть, воспользовавшись открывшимися возможностями, они отправились на большую землю? А может, просто остались в тихом до сонной одури прошлом? Кто знает...

Лишь двое давних пришельцев, за прошедшие годы ставших неотличимыми от приютивших их некогда аборигенов, все еще оставались здесь. Странно, но годы словно не имели над ними власти. Он по-прежнему выглядел крепким мужчиной средних лет, а она — зрелой красавицей, источающей сексуальность. Устроившись на работу в службу одного из отелей, они внимательно наблюдали за происходящим. За ушедшее время они многое поняли и еще больше чувствовали. Совсем не простым было неизвестно куда исчезнувшее племя и вовсе не

мертвыми были мрачные руины, расположенные в глубине покрывающих остров джунглей. Ровно как неспроста забытый всеми остров вдруг привлек чье-то внимание и на глазах превращался в сверхпопулярный курорт.

В первый же сезон Лас-Лупанарас посетило огромное число народа, и в дальнейшем с каждым годом отдыхающих тут становилось все больше. Слава острова росла, но совсем не многие знали, что с отдыхающими тут сплошь и рядом происходят странные вещи...

Chapter One

На Лас-Лупанарас Загибины приехали на две недели. Вика, хрупкая тридцативосьмилетняя брюнетка, подтянутая и гибкая, словно девятнадцатилетняя девушка, сорокалетний Сергей — ее супруг, крепкий мужчина с волосатым торсом, и половозрелые оболтусы Стас и Владик — их сыновья, девятнадцати и семнадцати лет соответственно. В отеле «Рай земной» им выделили уютный двухкомнатный номер, в котором дальнюю комнату с выходом на небольшой, с изящными металлическими перилами балкон решено было отдать сыновьям, а ту, что располагалась ближе к выходу в общий коридор, заняли родители. Разложив вещи, и приведя себя в порядок, семейство ринулось осваивать новые территории.

Несмотря на ранний час, народа вокруг было немало. Всюду царило веселое оживление, суетня и разноязыкий гомон. Солнечный свет щедро лился с небес, наполняя пришельцев из северной страны радостью и жизненной энергией. Повсеместная растительность была густой и насыщенно-зеленой. Энергичная, но ненавязчивая музыка звучала из репродукторов — все предвещало великолепный отдых.

Однако же Вика наметанным глазом женщины, несущей ответственность за сразу трех особей мужского пола, быстро выявила в окружающей благостной действительности сильно портящие общую картину детали. Практически все особы женского пола вокруг были в купальниках, что само по себе вряд ли могло удивить, но вот то, что словно сговорившись все они выбрали купальники минимально возможных размеров, не скрывающие совсем уж ничего, было просто возмутительно. Вдобавок поведение отдыхающих! Тут и там можно было наткнуться на целующиеся, обнимающиеся, а то и откровенно лапающие друг друга парочки и что хуже всего не только парочки! Едва выйдя из своего корпуса, Загибины наткнулись на симпатичную темно-рыжую даму, сидевшую на скамейке у крыльца. По обе стороны от нее расположилось двое смуглокожих парней значительно меньшего возраста. Один целовал красотку в губы, ненавязчиво сжимая ее грудь. Другой присосался где-то в районе шеи, одновременно шаря ладонью по внутренней поверхности бедер. Вика оцетинилась как кошка, и, схватив сыновей за руки, поспешила прочь. За день такие ситуации повторялись не раз и не два. Однажды, проходя тенистой аллеей, достойная женщина даже услышала из непроглядно-густого кустарника ритмичные шлепки и сдавленное дыхание, постепенно переходившее в сдержанные стоны двух человек.

Конечно, курортная обстановка всегда предполагает определенную вольность нравов, но здесь всего этого было как-то чересчур, с перехлестом, словно всех, прибывших на остров, охватили неудержимые приступы сатириза и нимфомании. Сергей понимающе ухмылялся, а Вика мрачнела, раздумывая как сохранить нравственность своего семейства в такой экстремальной обстановке. У нее даже мелькали мысли о необходимости уехать отсюда как можно скорее, но она гнала их прочь. Путевка обошлась им потрясающе дешево, что тур-оператор объяснял редкостной популярностью Лас-Лупанараса у туристов, вызванной небывало благоприятным климатом и крайне высоким уровнем комфорта, предоставляемого

отдыхающим. И это оказалось правдой. Выделенный им номер был просторным, аккуратным и чистым, снабженным телевизором, холодильником и кондиционером. Прислуга оказалась вежливой, расторопной и при этом практически незаметной. А сам остров, помимо солнца, моря и зелени, предлагал отдыхающим изумительное обилие аттракционов, бассейнов, аквапарков, лавочек и иных торговых точек, где было, казалось все, что нужно отдыхающему, и многое-многое другое, включая сауны, грязевые ванны, экскурсии... Загибины сбились с ног, пытаясь хотя бы поверхностно осмотреть все в первый же день, и Вика прекрасно понимала, что отдых такого класса за столь смешные деньги они больше нигде не найдут. Мысль об отъезде была оставлена.

Прогуливаясь по Лас-Лупанарасу Вика не раз и не два ловила на себе более чем пристальные мужские взгляды. Это сердило, но странным образом было и лестно — понимать, что даже в такой вольной атмосфере ты способна недвусмысленно заинтересовать столь многих... К тому же, многие мужчины тут были вполне ничего и однажды Вика с изумлением поймала себя на том, что заговорщицки подмигивает плящемуся на нее высокому белокурому парню. Очевидно, общая разлагающая атмосфера каким-то образом действовала и на ее собственное подсознание. «Дурдом какой-то», — думала женщина, останавливаясь возле небольшого магазинчика, торгующего одеждой. Тут она купила себе панаму, солнечные очки и два микроскопических клочка ткани, которые лишь по недоразумению можно было назвать купальником. Покрутившись в примерочной кабинке перед зеркалом и оставшись вполне довольной (тело Вики действительно было красивым) она не решилась сразу же выйти в таком виде на улицу и пока оставалась в шортах и маечке на голое тело. Маечка как влитая облегла небольшую но красиво оформленную викину грудь. Сквозь ткань явно торчали соски. В скрытых же под шортиками викиных трусиках творилось и вовсе непотребное — с определенного момента почтенной матери семейства стало казаться, что все, проходящие мимо, должны отчетливо ощущать ее женский запах. Ощущение было двойственным — неловким, почти унижительным, и в то же время странно возбуждающим. Вика не очень знала, не то бежать в номер и приводить себя в порядок, не то продолжать разгуливать, как ни в чем не бывало. И пока она ломала голову, прогулка продолжалась. В аквапарке, пока счастливые муж и дети носились по горкам, Вика, равнодушная к таким развлечениям, решила слегка пройтись в одиночку. Неподалеку торговали мороженым, и женщина остановилась, приглядываясь к лакомствам в ярких упаковках. Нагнувшись над холодильником, она вдруг почувствовала уверенный, хозяйский шлепок по заду. Чужая рука не только основательно припечатала ягодицу, но еще и задержалась на пару секунд, крепко ее сжав. Быстро развернувшись, Виктория обнаружила перед собой тощего черноволосого подростка в старомодных круглых очках, облаченного в широкие и длинные черные трусы с незнакомой женщине цветастой эмблемой спереди. Подросток лопотал что-то, откровенно на нее пялясь. Насколько позволяло судить ее знание английского, ей предлагали показать в действии волшебную палочку парня. Вика смутилась.

— Не здесь, — ответила она, убирая за ухо непослушную черную прядку и неуверенно улыбаясь. — люди могут увидеть.

Парень осклабился, закивал понимающе и вдруг ловко облапил Вику, ухватив ее за зад уже обеими руками и неожиданно крепко прижав к себе.

— Потом, ну, потом же. — жарко зашептала она, упираясь ладонями в грудь нахала и извиваясь всем телом в попытках вырваться. В ее бедро упирался внушительный бугор —

палочка в самом деле была более чем нехилая, особенно если учесть общую астеничность парня.

«Не дай Бог дети придут или Сергей», — мелькнувшая мысль прояснила начавшее было туманиться сознание и придала сил.

— Потом, я сказала! — рявкнула женщина и, рванувшись особенно сильно, отскочила от чересчур навязчивого молодого человека.

Тот почесал затылок, озадаченно бормоча что-то себе под нос, но потом лицо его прояснилось. Он послал Вике воздушный поцелуй, и произнес что-то уже вполне отчетливо — кажется, обещал скорую и очень приятную встречу. После чего парень вальяжно удалился.

Вика осталась с испариной на лбу, прерывающимся дыханием, дрожащими ногами и, к ее собственному удивлению, сладко затяжелевшим низом живота. Бедро согривало воспоминание о недавнем упругом касании, а в голове крутились какие-то совсем глупые и недостойные мысли. Преодолевая неловкость и опасаясь еще во что-нибудь вляпаться, Виктория поспешила вернуться к семье.

Они прокатились на чертовом колесе и на водных лыжах, забрались в гору, сходили в экскурсию к небольшому, но очень красивому водопаду, пару раз перекусывали в небольших кофешках, чистых и недорогих, где все, тем не менее, было необыкновенно вкусным и выпили огромное количество прохладительных напитков. В какой-то момент Вике захотелось писать, и она была вынуждена удалиться в женское отделение аккуратного общественного туалета, случившегося как раз кстати. Сделав свое дело и промакнувшись туалетной бумагой, Вика неожиданно для себя самой задержала руку между ног. Накопившееся за этот безумный, совершенно ни на что непохожий день напряжение требовало выхода, благо в туалете кроме нее никого не было. Продолжая сидеть на корточках над утопленным в невысокий постамент в полу очком, она коснулась пальцем клитора и испустила легкий стон. Она планировала разрядиться по-быстрому вручную, но судьба распорядилась иначе. У входа в ее кабинку (а дверями она предусмотрительно не была снабжена) неожиданно появился человек. Он буквально возник как из воздуха, потому что не хлопка двери, ни шагов Вика не слышала. И что хуже всего, это был мужчина. Тощий очкарик смотрел на нее сверху вниз, победно ухмыляясь. Все те же обширные трусы с непонятной эмблемой гордо топорщились спереди. Вика подарила ему в ответ взгляд загнанного зверя. Было ясно, что надо сдаваться. — Давай свою палочку, настойчивый, — вздохнула она. — уболтал.

Впрочем, скорее, это походило на дубину. Обсасывая солоноватую залузу, Вика чуть придерживала член у основания одной рукой, а другой ласкала себя, потирая бугорок клитора, и периодически запуская пальцы во влажные складки. Парень обхватил ее голову руками, но не грубо, а по-своему ласково, его пальцы, запущенные в волосы, доставляли какое-то дополнительное удовольствие. Время от времени он громко и восторженно произносил что-то по-английски, восхищаясь ее оральными способностями и подбадривая продолжать начатое дело. Эти вопли больше всего Вику и беспокоили — по ее мнению, не услышать их стоящие не так уж далеко муж и дети просто не могли. Как ни странно, эти мысли возбуждали еще сильнее, и первый раз Вика кончила раньше своего кавалера. Выпустив хуй изо рта и с чувством полупромычав-полувыдохнув что-то вроде:

«Ммммммааааах!... « она на какое-то время погрузилась в нирвану. А придя в себя чуть было не решила, что ее страх сбылся — в помещении туалета появился еще один мужчина. Но это был не Сергей и не один из ее сыновей. Рыжий, веснушчатый парень с физиономией

деревенского увальня был облачен в трусы с точно такой же, как у очкарика эмблемой. «Целая шайка», — подумала Вика. — «но как они входят? Ведь не могут же их не замечать!». Рыжий меж тем деловито спустил трусы.

Оснащен он оказался не хуже своего приятеля, который тем временем, подхватил Вику подмышки и поставил на ноги. Но лишь затем, чтобы сразу же загнуть ее в поясе и снова сунуть свой хуй в рот. Сзади пристроился рыжий. «Стыдоба-то какая», — мелькнула мысль. — «Они лет на двадцать меня моложе!». Рыжий по хозяйски ковырялся в ее пизде сначала двумя, потом тремя пальцами. Как-то так ловко у него получалось, что волны наслаждения захлестывали Вику. Доведя даму почти до умопомрачения рыжий облизал пальцы и наконец-то вошел в нее. Ребята легко поймали ритм, Вика вцепилась руками в бедра очкарика, чтобы не потерять равновесия и вся их троица заработала слажено, как единый организм. Вперед-назад, толчок-толчок, впервые в жизни Виктория Викторовна Загибина оказалась насажена на два хуя одновременно и ей это нравилось. Впрочем, рыжий оказался настолько хорош, и движения его хуя в пизде доставляли столько удовольствия, что Вика скоро забыла про второго партнера, выпустив его изо рта и принявшись стонать — все громче и громче.

Очкарик, впрочем, не расстроился. Взяв Вику за волосы, он развернул ее голову и принялся драть свой хуй, периодически шлепая им партнершу по лицу.

Увалень кончил первым. Крепче ухватив викины бедра — наверняка синяки остались! — он стал двигаться энергичнее и сдавлено стонать в унисон с партнершей. Скоро порция семени отправилась по назначению в викусино лоно. Ободрительно похлопав ее по заду, рыжий отошел, а его место уже торопился занять очкарик. Но его вероятно не устроило раздолбанное и залитое чужим семенем влагалище. Запустив в него пару пальцев (и снова вызвав у Вики стоны наслаждения), он смазал извлеченной жижей анус женщины, нажал указательным пальцем, проталкивая его внутрь, добавил к нему средний и совершил ими несколько движений, проворачивая вокруг оси. Видимо, вполне удовлетворенный, он извлек пальцы и вытер их о викину спину. Женщина приняла это как должное. Очкарик приставил к ее анусу залупу и одним толчком вошел внутрь. Он не был первым в ее прямой кишке, но анал никогда не доставлял Вике особого удовольствия. Чтобы хоть как-то исправить это она выпрямилась, так что очкарику пришлось ебать ее стоящую в полный рост, и одной рукой сжала собственную грудь, а другой принялась ласкать пизду. Ее усилия не пропали даром, и скоро женщина ощутила приближение к вершине.

— Да! — завопила она в полный голос и где-то в глубине души сама знала, что делает это специально. — Да! Еби меня, еби, милый, ты такой хороший, я кончаю, кончаааааю!..

Последнее само по себе было поразительным, потому что раньше Виктория вообще никогда не материлась. Но, видимо, удовольствие было настолько велико, что вика изменила себе даже в этом.

Очкарик тоже не особо задержался и вскоре вбросил в ее зад свою дозу спермы. Оперевшись обеими руками на очень кстати оказавшуюся поблизости раковину умывальника, Вика перевела дыхание. Из зеркала на стене на нее смотрело ужасное существо. Волосы растрепаны, тушь смазалась, шорты и стринги спущены до лодыжек, а из задницы и пизды течет... На то, чтобы привести себя хоть в какой-то порядок, потребовалось минут пятнадцать. За это время оба парня куда испарились также незаметно, как и пришли. «Хороши субчики», — усмехнулась Вика, промакивая свежеумытое лицо бумажным полотенцем. — «даже спасибо

не сказали». Воспользовавшись хранившимися в ее сумочке тушью и помадой, чтобы добавить последние черты к чудесно возвращенному облику порядочной жены и матери, Вика с замиранием сердца вышла на улицу.

Муж и дети стояли неподалеку с увлечением обсуждая трех девиц, существенно отличавшихся от остальных женщин на острове своим обликом. Если все вокруг стремились оголиться как можно сильнее, то эти девушки выглядели довольно сильно одетым, что, впрочем, делало их облик чуть ли не более неприличным, чем у всех остальных — кружевные личики, короткие юбочки, из-под которых видны стринги, чулки в крупную сетку и туфли на платформе еще никого не превращали в скромницу. Почтенное семейство как раз пришло к выводу, что это, видимо, часть местного обсуживающего персонала, оказывающая приезжим услуги сексуального характера.

— И не жарко им, — удивился Влад, и как раз в этот момент подошедшая мать хмуро поинтересовалась, чем это они занимаются.

— Да так, — весело ответил муж. — по сторонам смотрим.

И, взглядевшись в супругу, удивленно уточнил:

— Всё в порядке?

— Всё, — сердито ответила она.

Что ее рассердило, Вика и сама не могла понять. Еще меньше у нее укладывалось в голове, как могли остаться незамеченными ее ебари, сначала входя в женский туалет, а потом выходя из него. И почему никто не услышал ее собственных истошных воплей? Конечно, можно было предположить, что муж и сыновья были так увлечены прелестями шныряющих туда-сюда практически в чем родила дамочек, что ничего не видели и не слышали... А то и вовсе уходили куда-то, ведь если Вика позволила себе адюльтер, не проведя на курорте и одного дня, то и мужчины могли не терять времени даром. И всё же несмотря на подобные рациональные объяснения было, было что-то ненормальное в творящемся на Лас-Лупанарасе.

К концу дня они умотались окончательно и в номер еле приволоклись от усталости. Было около одиннадцати вечера. Сыновья удалились в свою комнату, и вскоре там зашумел телевизор. Вика приняла душ и разгуливая по номеру, завернувшись в широкое белое полотенце. Сергей лежал, неторопливо листая купленный днем мужской журнал.

Водные процедуры вернули Виктории растраченную бодрость.

— Сережа, — сказала она, присаживаясь на край кровати. — давай разберем чемодан.

— Давай, потом, а? — лениво ответил муж. Он отложил журнал и приобнял Вику за талию, заваливая ее на себя. Бок женщины ощутил внушительную выпуклость на шортах супруга.

— Ого! — женщина округлила брови. Даже через ткань чувствовалось, что эрекция было очень мощной. А ведь ее муж не был рекордсменом даже в молодые годы.

Сергей усмехнулся и повернулся на спину, по-прежнему удерживая супругу рукой за талию. Несмотря на разрядку в общественном туалете, а после и в душе, где струя воды доставила ей немало наслаждения, женщина была далека от чувства удовлетворенности. Быстро оглянувшись на закрытую дверь в комнату сыновей, она скользнула рукой в шорты мужа.

— Ммммм... — он был очень твердый и очень горячий, и на ощупь даже казался значительно больше обычного, что, конечно же, как подумала Вика, было совершенно невозможно. Не удержавшись и снова оглядываясь, она высвободила его член из шорт. Трудно сказать, что было причиной, но он реально выглядел крупнее и массивнее, чем обычно. Задумываться о

происходящем, впрочем, было особенно некогда, обхватив агрегат своей узкой ладонью, Вика медленно надрачивала его, заморожено наблюдая, как крайняя плоть то скрывает, то обнажает залупу.

— Давай, — выдохнул Сергей, схватив жену за зад обеими руками и потянув на себя.

— Дети, — негромко сказала Вика, стрельнув глазами в сторону двери. — не спят.

Сергей сверкнул зубами из-под верхней губы.

— Ничего, пусть учатся.

— Дурак, — сердито шепнула Вика, ее щеки слегка порозовели.

Тем не менее, она без дальнейших разговоров перекинула через мужа левую ногу, оседлывая его. Привстав над бедрами Сергея, Вика, все еще сжимающая рукой член, сама направила его в себя, и начала медленно опускаться. Набухшая залупа коснулась половых губ, раздвигая их. Сергей положил руки на бедра жены, потянув ее вниз, и резко шевельнул тазом. Вика глубоко вздохнула, ощутив, как ствол мужа погрузился в нее, заполнив, казалось, до отказа. Закусив нижнюю губку, она засопела, сосредоточенно двигая бедрами. Сначала она подалась вперед-назад, как бы раскачиваясь на органе, а потом чуть приподнялась и начала скачку. Сергей помогал ей, совершая короткие, мощные толчки. Супруги нашли оптимальный ритм, так что Сергей подавался вверх как раз в тот момент, когда Вика с силой опускалась на его кол. Захваченная сладкими ощущениями, женщина широко распялила рот. Никогда она не чувствовала себя настолько заполненной. Член мужа был существенно короче любимой русскими женщинами «золотой середины» в 17—18 см., но сейчас ей казалось, что он пригнан точно по ее собственному размеру. Насаживаясь на этот восхитительный кол, Вика энергично крутила бедрами, доставляя себе и мужу острейшее наслаждение. Руки Сергея покинули ее бедра, мяли грудь, сжимая и покрывая соски. Вика испытала оргазм.

Нечасто ей бывало с мужем настолько хорошо. Короткие волосы Вики растрепались, острые ноготки перебирали шерсть на груди у Сергея. Запрокинув голову и прогнув спину, она энергично работала тазом, неуклонно повышая ритм этой сладкой скачки. Их тела блестели от пота, а движения сопровождалось звучными шлепками плоти о плоть. Вика издавала громкие чувственные стоны. Сейчас ее абсолютно не волновало, что производимые ими звуки не могут не быть слышны в соседней комнате. После второго оргазма Вика упала на мужа всем телом. Обхватив ее поперек спины и плотно к себе прижимая, Сергей энергично работал тазом, вгоняя в издающую звонкое «А! А!» при каждом его движении женушку свой ствол. Его движения становились все сильнее и вика кончила второй, а потом и третий раз. Ее ноги оставили хорошо видимые отметины на плечах мужа, на что, впрочем, ни он, ни она не обратили особого внимания, слишком захваченные процессом.

Почувствовав приближение семяизвержения, Сергей вышел из Виктории и ссадил ее с себя. Затем, схватив за волосы, пригнул лицом в точащему хую. Вообще-то обычно они занимались любовью в несколько иной манере, но сегодня вика не была расположена к сопротивлению и послушно наделась ртом на предложенный ей так грубо орган. Муж полностью взял инициативу в свои руки, двигая викиной головой в нужном ему темпе, который оказался весьма высок. С громким чмоканьем, она следовала за его рукой послушно, словно пластиковая кукла. Заставляя ее двигаться вниз, он энергично подавал бедрами вверх отчего проникновение получалось особенно глубоким и грубым. Пару раз это даже вызвало у нее рвотный рефлекс, она закашлялась. Из рта текла слюна вперемежку с какой-то слизью. Наблюдающие за родителями из-за приоткрытой двери Стас и Владик затаили дыхание в

восторге. До сих пор такое им доводилось видеть только в жестком порно.

В конце концов, издав нечто вроде горлового рыка, Сергей вогнал свой член в глотку Виктории до упора и разрядился. Верная жена старательно сомкнула губы вокруг его ствола и быстро сглатывала, стараясь ничего не упустить. Когда сброс спермы закончился и муж отпустил ее волосы, Вика выпустила обмякший член изо рта. Произошедшее ей настолько понравилось, что она даже сделала то, до чего снисходила нечасто — вылизала член и яйца мужа, очищая их от собственной слюны и прочих выделений. Некоторое время они лежали рядом, потные и практически выбившиеся из сил — такого страстного секса у супругов, проживших вместе больше двадцати лет, не было очень давно.

Потом Сергей чмокнул супругу в губы и ушел принимать душ. Вика продолжала валяться голая, раскинувшись по кровати. В какой-то момент ее внимание привлек неясный шум и шепоток из-за приоткрытой двери соседней комнаты. «Вот поганцы», — и легла поперек кровати, согнув разведенные ноги в коленях — так, чтобы наблюдателям была лучше видна ее пизда. Было хорошо.

Вернувшийся из душа Сергей сообщил, что забыл купить сигареты, и покинул номер. Вика ничего не ответила мужу — она уже засыпала.

Проснулась она практически в той же позе, в которой уснула. В номере было темно и тихо, мужа рядом не было. Она села в кровати, пытаясь найти взглядом какие-нибудь часы, но ничего не обнаружила. Было очень душно, и она решила подышать свежим воздухом на балконе.

Ступая грациозно, как кошка, Вика на цыпочках прошла в комнату сыновей. Они спасли в своих кроватях. Голая мать слегка улыбаясь прошла мимо и ступила на балкон. Ярко светила масляно-желтая полная луна. Внизу темной глыбой застыл массив джунглей. Кое-где над этой казавшейся сплошной темной массой поднимались неестественно изломанные фигуры. «Загадочные памятники древней цивилизации», как гласил рекламный проспект, который демонстрировали им при покупке поездки. Однако днем Загибины так до них и не добрались, а сейчас Вику не волновали ни древности, ни загадки. Подувший ветер не принес прохлады: он показался Вике знойным, как ветры пустыни.

— Жарко, — одними губами шепнула женщина, опираясь на ограждение балкона.

События прошедшего безумного дня встали перед ее внутренним взором. Но это не было раскаяние или попытка осмыслить. Вика снова чувствовала возбуждение. Вспоминая, о сексе в общественном туалете с двумя годящимися ей в сыновья парнями она слегка расставила ноги и коснулась рукой вагины. Пальцы пробежали снизу вверх по половым губам, набухшим, чуть приоткрытым, ощутили уже начавшую сочиться влагу и нашли клитор. Вика слегка вздохнула и облизала верхнюю губу. Лаская себя пальцами, она одновременно ритмично сокращала мышцы бедер и ягодиц, усиливая приятные ощущения. Вскоре ее стоны стали довольно громкими и она ничуть не удивилась, ощутив прикосновение к правому плечу.

Сыновья проснулись, а может быть и с самого начала не спали, и стояли позади нее. Они оба были обнажены и могли похвастаться великолепной эрекцией. Рука Стаса скользнула по ее спине вдоль позвоночника и сжала ягодицу. Владик, обхватив мать за плечи, целовал ее лицо и настойчиво лез руками между ног.

— Тише, тише, — не делая, впрочем, попыток остановить их, шепотом сказала Вика. — где отец?

— Он не возвращался. — ответил Владик.

— Он наверняка у соседки. — хихикнул Стас. — Я с балкона видел, как они вместе от табачного киоска шли.

— У соседки? — поинтересовалась Вика, к собственному удивлению не испытывая никаких признаков ревности.

— Через два номера. Она тоже из России, приехала с дочкой. Мы с ними... познакомились пока ты в туалете... эээ... была.

Вика вздохнула и, чуть прикрыв глаза, позволила мальчишкам возобновить свои ласки. Шарящие по ее телу руки совсем не плохо справлялись со своим делом, скоро дыхание вики стало более частым и глубоким, она закусила нижнюю губку.

Прерывисто вздохнув, мать сказала:

— Пойдемте в кровать, мальчики.

Использовать одну из узких кроватей, стоявших в комнате сыновей, было неудобно, поэтому они прошли в следующую комнату, оборудованную большой супружеской кроватью. На ней Вика встала на четвереньки, оттопырив зад, и томно скомандовала:

— Стас, полижи маму. Влад, иди сюда, мама хочет твой член.

Член младшего сына она облизала от основания до залупы, а потом совершила несколько круговых движений языком по головке. Влад охнул и положил руку ей на макушку. Стас между тем отлично справлялся со своим заданием. Ткнувшись лицом в промежность матери, он тщательно обрабатывал языком не только ее пизду, но и анус, довольно скоро пустив в ход также и пальцы. Вика довольно замычала сквозь забивший ее рот до отказа член Влада и прогнула спину, сильнее подаваясь задом к старшему сыну. Тот усовершенствовал технику, погрузив указательный палец в ее зад, а средний в пизду, продолжая при этом работать языком на половых губах и клиторе мамочки. Вика ритмично двигалась всем телом вперед-назад. Обрабатывая член сына она громко чавкала и периодически выпускала его из рта, чтобы облизать ствол или мошонку, а потом снова заглатывала хуй на всю длину. Прodelав это в очередной раз, она немного поиграла с волосатыми яйцами сына языком, потом присосалась губами там, где ствол переходит в мошонку. Влад запрокинул голову, нежно поглаживая викины волосы, его хуй лежал на лице матери. Отовавшись с причмокиванием от половых органов младшего, Вика оглянулась через плечо:

— Давай, Стас, — это прозвучало с легкой капризцей. — трахни уже маму.

Сташий не заставил себя долго ждать. Массивная темно-багровая залупа легко вошла в хорошо подготовленную пизду, вызвав у Вики ответное:

— Умммммм...

Ухватив ее за бедра Стас принялся работать с такой быстротой и энергией, что вся троица буквально затряслась. Кровать ходила ходуном. Звонкие шлепки плоти о плоть сопровождалась викиными: «Ах!... Ох!... Да! Бляя-яааа... « Приближаясь к оргазму, она уронила голову на руки и негромко стонала. Оставшийся без внимания Влад скромно дрожил, он всегда был спокойным и послушным парнем.

Стоны Виктории становились все громче и в конце концов перешли в крик. Стас работал бедрами как заведенный, его плечи и грудь блестели от пота, и даже волосы на лбу намокли. Наконец, Вика испустила особенно громкий вопль и запустила руку себе между бедер, натирая клитор:

— Аааа!... Ммммм... Да! Мама кончает, сыночек, да, да, любимый...

Продолжавший свою работу Стас вдруг замер, погрузившись в мать на всю длину, и несколько раз коротко и крупно вздрогнул всем телом. Потом мать и сын обмякли, тяжело дыша. Вика легла, положив голову на сложенные перед собой руки, Стал, упал на бок рядом с ней. Продолжавший дронить наблюдая всю эту сцену Владик тоже коротко застонал и задергал бедрами. Сперма брызнула из его хуя, заляпав макушку лежавшей вниз лицом матери. Стас коротко засмеялся. Некоторое время все были неподвижны. Потом вика поднялась и взяв с кровати полотенце, лежавшее здесь с вечера, когда она обернулась им после душа, вытерла голову. «Волосы вымыть надо...», — мелькнула мысль.

Она села на край кровати. Чувствовавший себя несколько обделенным Влад, подсел рядом и, приобняв за плечи, начал щупать грудь. Вика не стала сопротивляться и, повернувшись к сыну, поцеловала его в губы. Они повалились на кровать, целуясь. Руки Влада шарили по телу матери, а его член вновь стоял. В конце концов, Вика очутилась верхом на сыне, и его член погрузился в нее. Их несколько задержал пожелавший присоединиться Стас. Пристроившись сзади, он раздвинул ягодицы матери и начал давить залупой на колечко ануса.

— Возьми крем в сумочке на столе. — подсказала Вика.

С кремом пошло проще. Скоро основательно смазанный анус мамы принял массивную дубину старшего сына, в то время как младший пользовал мать в пизду. Ощущение двух хуев, разделенных тонким слоем плоти, было новым и необычным для Вики. То, что она впервые испытала это со своими сыновьями, тоже добавляло возбуждения. Парни сосредоточенно пыхтели. Ритм Стаса и Владика не совпадал и Вике было не слишком удобно подмахивать, поэтому она свела собственные движения до минимума, вместо этого активно работая мускулатурой, доставляя сыновьям дополнительное наслаждение. Лежавший снизу Влад схватил ее сиськи обеими руками и припал к ним ртом, обсасывая и покусывая соски. Неожиданно разошедшийся Стас отвесил правой рукой несколько звонких шлепков по ягодицам. «Где они этого нахватались?», — с гордостью подумала мать. Вообще, никогда в жизни у нее не было ощущения такой полноты. Удовольствие стремительно усиливаясь, вскоре снова затопило ее волной очередного оргазма. Вынувшись, она громко прерывисто застонала и сильно задвигала бедра, словно порываясь соскочить с дерущих ее членов. Удовольствие было острым почти непереносимо. Сыновья остановились. Они ссадмили мать на кровать и встали по обе стороны от нее, надрачивая свои хуи. Первым спустил Влад. Стусток спермы попал матери в лоб, потек по право брови и прямому, острому носу. Сперма Стаса заляпала левую щеку и устремилась вниз — через тонкую линию рта к подбородку. Вика облизала губы.

Потом она снова утерлась полотенцем. Стас и Влад, раскидав руки-ноги, валялись на супружеской кровати. Вика взглянула в окно. В небе по-прежнему маячила сверкающая почти как прожектор Луна.

— Который час, интересно? — пробормотала мать семейства.

Interlude

В паре километров от «Рая земного» среди джунглей находились непонятные сооружения, выстроенные из черного камня, возраст которых насчитывал многие столетия. Новым владельцам Лас-Лупанараса так и не удалось выяснить, кем и для чего эти строения были возведены, впрочем, они не особо и пытались. Сооружения были записаны в достопримечательности и в дневное время к ним водили экскурсии. Гиды рассказывали туристам нелепицы, сочиненные приткими рекламистами и не имеющие никакого научного

основания. Стрoения были разбросаны небольшими группами почти по всей территории острова. Эта, ближайшая к отелю, где жили Загибины, представляла собой каменную площадку, окруженную тремя циклопическими прямоугольными арками, каждая из которых была сложена из трех каменных плит. Арки были ориентированы на северо-восток, запад и юго-восток. В центре площадки располагался плоский каменный валун, с удивительно ровной верхней гранью. Размеры валуна были весьма скромными в сравнении с самой площадкой и арками.

Если бы кто-то из персонала курорта или отдыхающих вздумал явиться сюда этой ночью, он обнаружил бы весьма странное зрелище. На верхней, горизонтальной плите юго-восточной арки, свесив вниз ноги и упираясь ладонями в край плиты сидела стройная девушка в приталенном серебристо-белом платье с пышной и длинной юбкой и изящных туфельках, слегка поблескивающий в лунном свете. Длинные золотистые волосы девушки свободно падали на спину. Ничто не указывало, что занимаемое положение причиняет ей какой-либо дискомфорт, хотя от земли ее отделяло более девяти метров, а видимого способа спуска не существовало.

За спиной девушки в воздух неожиданно озарился золотистым сиянием и прямо из него на каменную плиту ступил высокий молодой человек. (Специально для) Черноволосый и гладко выбритый, он был гол по пояс и облачен в черные джинсы.

Не оборачиваясь к явившемуся ниоткуда девушка улыбнулась:

— Тоже почувал, братец?

— Ну, ты же не думала, что я прохлопаю ушами подобное, сестрица?

Девушка покачала головой:

— Да уж, этого никак нельзя было ожидать. — ее тон не позволял определить рада ли она этому обстоятельству или не слишком.

Парень повернул голову, будто высматривая что-то вдалеке.

— Мощный экземпляр... — пробормотал он. — Какое быстрое резонирование!

— Деградирование, — хихикнула девушка.

— Гиперборейки всегда были шлюховаты...

— О, да ты просто равнодушен к ним, помнишь тех девиц, что привозил Пьер?

Ладонка девушки легла на ногу парня недалеко от ширинки:

— Помнишь, братец?

— Да какая разница. — досадливо ответил парень. — Шлюхи и всё... Давай не будем говорить о ерунде. Она ведь заинтересовала не только нас?

Девушка скорчила печальную гримаску.

— Как ты сам сказал, мощный экземпляр... Трудно не заметить.

— И что предлагаешь?

Печаль сменилась ядовитой улыбкой:

— Надо решить все одним ударом. Так, чтобы никто и очухаться не успел, нэ?

Парень кивнул.

— Ты сможешь? — спросила девушка. — Мне пригодится немного семени Избранного.

Оставаясь внешне бесстрастным, парень расстегнул брюки. Девушка извлекла откуда из-за пояса нечто вроде короткой и довольно толстой непрозрачной пробирки и положила себе на колени. Потом запустила руку в расстегнутую ширинку и извлекла мужской орган.

— Братец сегодня без трусов, — промурлыкала она и наклонилась самым носом к члену. — И

запах... Братец только что трахался...

Парень схватил ее за затылок.

— Работай уже! — он явно терял терпение.

Не перечая, она поймала его член губами. Лицо девушки странным образом преобразилось — стало вдруг серьезным и сосредоточенным, словно у профессионала, делающего важную работу. Член скользил между губами, быстро увеличиваясь в размерах. Парень слегка помогал ей бедрами и продолжал удерживать за голову, но скорость она задавала сама. Когда член достиг полной — и весьма внушительной, величины, она некоторое время продолжала сосать, заглатывая на всю длину и тыкаясь носом в волосатый лобок парня.

Выпустив в конце концов блестящий от слюны пенис изо рта, девушка судорожно глотнула воздух, восстанавливая дыхание. Обхватив ствол левой рукой, она принялась быстро дрочить его, одновременно лаская губами и языком нижнюю часть залупы.

— Сейчас! — выдохнул парень.

Не переставая дрочить, девушка подхватила лежащий на коленях сосуд и поднесла к члену. Спустя несколько секунд в пробирку потекла сперма.

Teaser

... Перед глазами находившейся в предобморочном состоянии Вики мелькнула мужская фигура. К ее удивлению, это был давешний очкарик с «волшебной палочкой» вновь взявшийся буквально неизвестно откуда. Он сжимал в руке длинный прут, сужавшийся к концу. Прут был угольно-черным и временами поблескивал совершенно как антрацит. Парень орудовал им, словно мушкетер, отбивающийся от целой толпы врагов, шпагой.

— Пиздетсус педрилум! — проорал очкарик, или нечто очень похожее.

Гроыхнул Фиолетовый гром, сильно запахло озоном и ледяные объятия, сжимавшие Вику, заметно ослабли...

the_black_russia@bk.ru